

Цан Янь на мгновение замер, словно замороженный, и тут же разжал руки. Он остолбенело смотрел на лицо Шэнь Циня — изможденное, осунувшееся, но по-прежнему прекрасное и притягательное, — даже не пытаясь вытереть кровь, текущую из носа.

Лишь когда Шэнь Цинь, расталкивая толпу, отошел на приличное расстояние, Цан Янь пришел в себя.

Шэнь Цинь открыл глаза. Момент пробуждения от сна казался далеким прошлым.

Позже Чжоу Ливэнь просил у него прощения, умолял о снисхождении. Шэнь Цинь ответил лишь сухо: Понять — могу, но простить — нет.

С того дня он и Чжоу Ливэнь стали чужими людьми. Но по сравнению с предательством Чжоу Ливэня, к Цан Яню он испытывал куда большую ненависть.

Человеческая натура не выдерживает испытаний, и Цан Янь не имел права использовать столь экстремальные методы, чтобы заставить обычного человека показать свою самую темную сторону. Шэнь Цинь считал, что большинство людей — обычные, в них нет абсолютного добра или зла. Стремление к выгоде и избегание бед — естественная человеческая черта. Все они люди, а не боги. Нельзя вешать клеймо неисправимого злодея на того, кто под давлением обстоятельств совершил дурной поступок. Разве тот, кто вытягивает из человека эту тьму, не является еще большим злодеем?

Он не оправдывал Чжоу Ливэня, поэтому и не простил его. Но Цан Яня он презирал еще больше.

Пора было заканчивать.

Шэнь Цинь исчез.

Телефон выключен, дома никого, он полностью стерся из мира Цан Яня.

Целые сутки никто в корпорации Цанлун не мог с ним связаться.

Цан Янь был близок к безумию.

— Прогул! Занести в личное дело как серьезный проступок! — бушевал он в отделе кадров. — Я слишком его разбаловал! Ни заявления, ни предупреждения, ни весточки. Кем он себя возомнил? Компания принадлежит его семье? Может, переименуем Цанлун в Шэньлун, раз уж он здесь хозяин?

Цан Янь переключил гнев на вице-президента по кадрам:

— Чем вы там занимаетесь? Я плачу вам, кучке бездельников, а у вас, кроме номера телефона, нет никакой связи? А родственники? Контактные лица для экстренных случаев? Мне самому каждого искать? А?

Вице-президент по кадрам была в отчаянии:

— Господин Цан, мы звонили, телефон недоступен, связаться невозможно!

— Вы даже не проверяете, настоящие ли это номера? Живой человек просто взял и испарился? Не можете найти? Кучка бездарностей, просто бездарностей! Немедленно ищите! Какими угодно способами, но найдите его! Не найдете — все до единого пойдете вон!

Вице-президент в холодном поту поспешно ретировалась. Она не понимала: ну прогулял Шэнь Цинь, накажите его по уставу, зачем же так беситься? Неужели корпорация Цанлун развалится без одного помощника? Деятельность остановилась? Банкротство на пороге? Земля перестала вращаться?

Почему она должна выслушивать его гнев? Если этот человек однажды уволится, отдел кадров должен будет уйти следом за ним в могилу?

Внезапно она осознала: пока Шэнь Цинь был рядом, настроение босса оставалось стабильным, он даже частенько улыбался. Шэнь Цинь был просто каким-то успокоительным!

В этот день все ощутили важность Шэнь Циня. Ярость Цан Яня разгоралась, как лесной пожар, задевая почти все ключевые отделы. Все топ-менеджеры знали: Шэнь Цинь пропал, босс сошел с ума.

И как раз в тот момент, когда в Цанлун полыхал пожар, Шэнь Цинь вернулся.

Его долги наконец были погашены! Поэтому он нашел место, о котором никто не знал, и устроил себе тихий выходной.

Никто не тревожил, никакие дела не тяготили. Этот день принадлежал только ему — первый день абсолютной физической и душевной свободы с момента банкротства семьи Шэнь.

Столько лет он шел вперед, неся на плечах тяжкое бремя долгов, не смея даже вздохнуть свободно. И когда огромный камень внезапно упал, он на мгновение растерялся.

Все это время его гнала вперед цель расплатиться. Обретя свободу, он почувствовал себя неприкаянным. Будь то восторг или грусть — он должен был найти безлюдное место и выплакаться, но слезы не шли. После завершения такой тяжелой задачи на душе была лишь тихая пустота.

Он не хотел вспоминать прошлое и не имел интереса заглядывать в будущее. В этот день он просто позволил своей душе отделиться от тела и немного побродить.

После всех взлетов и падений, словно после долгого сна, внутри не осталось ничего. Что ж, пусть этот день станет отдыхом для души, а после он начнет жить для себя, навстречу новой жизни.

В тот момент, когда Шэнь Цинь появился, в Цанлун взорвалась бомба.

— Помощник Шэнь! — вице-президент по кадрам вцепилась в него. — Вы вернулись! Где вы были? Даже если вы улетели на Марс, можно было оставить весточку!

— Что-то случилось?

— Еще как случилось! Небо рухнуло!

— ?

— О, господин Шэнь, вы вернулись? — Цан Янь выскочил из кабинета. Его голос гремел, а улыбка была пугающей. — Как прошла прогулка? Понравилось? Почему не погуляли еще пару дней? Может, мне освободить для вас мой кабинет?

Безумие все еще не отпустило его. Вице-президент по кадрам поспешила исчезнуть.

— Ты хоть знаешь, на кого работаешь? Получил премию и зазвездился? В компанию даже не пришел! Между прочим, эту премию я тебе выписал!

— Я тебя похвалил пару раз, и ты решил, что тебе все позволено? Играешь в прятки? Возомнил себя богом? Зачем ты вообще вернулся? Исчез бы навсегда, и дело с концом!

— Прогул без уважительной причины! Занести в личное дело! Объявить выговор по всей компании! Не думай, что если я тебя балую, то тебе можно нарушать правила! Ты — классический пример того, как садятся на шею! Не думай, что я не посмею тебя тронуть. Сегодня я устрою показательную порку, чтобы другим неповадно было!

Шэнь Цинь смотрел, как Цан Янь бесится, как он, выдохнув все слова, тяжело дышит, а затем молча протянул ему заявление об увольнении.

Цан Янь:

— ...

— Эту премию, вместе с моей месячной зарплатой в тридцать тысяч, — Шэнь Цинь впервые заговорил с Цан Янем спокойно, — спасибо. Прогул — моя вина, вычитайте по уставу компании, как положено.

— Что ты имеешь в виду? — Цан Янь отмахнулся от заявления, словно от ядовитой змеи. — Что ты такое несешь?

— То, что сказал: я увольняюсь.

Цан Янь застыл, на его лице сменялась целая гамма чувств, было невозможно понять, что он испытывает на самом деле. Прошло немало времени, прежде чем он обрел дар речи.

— Ты шутишь! Это точно шутка! Разве ты не в долгах? Разве тебе не нужна эта зарплата?

— Я расплатился.

— Рас-расплатился? Как это возможно? Где взять столько денег? Как ты мог расплатиться?

— Действительно расплатился. И спасибо тебе за зарплату, она помогла мне быстрее закрыть долги.

— Это я? Это я помог тебе расплатиться? Я, черт возьми, помог тебе расплатиться?

— Заявление я подал, процедуру увольнения пройду как можно скорее.

— Кто разрешил? Я не принимаю!

— По закону нужно предупредить за месяц. С сегодняшнего дня — я отработаю еще месяц.

— Я сказал, что не принимаю! Ты по-русски понимаешь? Я не принимаю!

— Трудовой договор — это не контракт на продажу души. Ты не сможешь меня удержать.

Цан Янь метался по кабинету, словно зверь в клетке.

— Даже если, даже если долги погашены, тебе все равно нужна работа, разве нет? Ты же не собираешься жить без еды и денег?

— Найду другую.

— Другую? Ха! Где ты найдешь такого идиота, как я, который будет платить тридцать тысяч помощнику, ни во что не ставящему своего босса?

— Да, это непросто. Но я готов. Пусть даже пять тысяч — мне хватит. Ты сам сказал, что я не ставлю босса ни во что, значит, я плохой помощник. Можешь найти другого, послушного.

— Да кого мне искать? Черт возьми, я хочу, чтобы работал ты!

— ...

— Нет, ну серьезно, у тебя же все хорошо получалось, зачем увольняться? Импульсивность — плохой советчик, не делай глупостей, ладно?

— Я не импульсивен, я все обдумал.

— Ты импульсивен! Сказал увольняюсь — и все? Ты знаешь, какая сейчас ситуация на рынке, как сложно найти работу? Почему ты не ценишь то, что имеешь: тридцать тысяч в месяц, комфорт? Чем плох Цанлун? Чем плоха эта зарплата? Я... я, может, и не подарок, но я же ничего тебе не сделал!

— Я тебя обидел? Я тебе мешал? Я... я просто немного вспыльчив, но я буду следить за собой, хорошо? Я больше не буду к тебе придираюсь. Иди, напиши заявление на отгул, прогул забудем. Выговор — это я просто сболтнул, не будет никакого официального объявления. Я больше никогда не буду устраивать публичных разносов, я знаю, что ты ранимый, я буду осторожнее.

— Цан Янь...

— Я повышу тебе зарплату! Повышу, слышишь? И те деньги, что вычел, верну до копейки.

— Цан Янь...

— Чего ты хочешь? Просто скажи. Перестань при каждом удобном случае махать этим заявлением, а?

— Цан Янь! Между нами пора поставить точку.

<http://bllate.org/book/21814/2258016>